

«Государство правит по своей воли...»

Прежде всего посмотрим, что собой представляло правление второго монарха династии Романовых с точки зрения самого характера власти. По достаточно единодушному мнению современников, Алексей Михайлович был не только по титулу, но и по существу самодержавным государем. Не говоря уже о том, что в письмах родным царь неизменно именует себя «великим государем» в первом лице множественного числа, Алексей Михайлович в письме Г.Г. Ромодановскому толковывал: «...Бог... благословил и предал нам, государю, правити и рассуждати люди своя на востоке, и на западе, и на юге, и на севере в правду, и мы Божия дела и наши, государевы, на всех странах полагаем», смотря по человеку».

«А отец его (Алексея Михайловича. – А.Я.)... царь Михайло Федорович, хотя самодержавцем писался, однако без боярского совету не мог делати ничего» – это слова Котошихина. Алексей Михайлович, в отличие от отца, – самодержец и «государство свое правит по своей воли». Посол герцога Тосканского Я. Рейтенфельс засвидетельствовал, посетив Москву: «Они все (бояре и другие знатные люди, включая высшее духовенство. – А.П.) полагают на мудрость царя и предоставляют ему полную власть выбирать и решать, как ему угодно, как единственному и высшему издателю законов». Имперский посол А. Мейерберг также отмечал, что царь Алексей в Боярской думе держал себя как полный хозяин. «По произвольному распоряжению царя между этими советниками разделены все заботы о каких бы то ни было делах царства...» Он поведал о довольно бесцеремонном обращении Алексея Михайловича даже с собственным тестем И.Д. Милославским, заседавшим в Боярской думе. Последний «не один раз отведал... тряски за волосы на голове и бороде и кулачных тузов». Однажды царь, разозлившись на хвастливые слова И.Д. Милославского о готовности разгромить войска Яна Казимира, «сперва вlepил ему громозвучную пощечину», отругал тестя и «выгнал его пинками из Думы и сам запер дверь за ним». Характеризуя высший разряд русского общества – боярство и других «ближних людей» государя, тот же Мейерберг не без язвительности сообщал, что бояре обязаны каждодневно до полудня посещать царский дворец для засвидетельствования почтения – «как муравьи в муравейник, они туда собираются». Не отказываясь еще от традиции, царь тем не менее был уверен в том, что бояре ему обязаны «послушанием и покорением».

Усиление царской власти произошло в условиях войны 1654–1667 годов с Речью Посполитой. После Земского собора в октябре 1653 года этот общественный орган фактически прекратил свое существование. Царь управлялся с делами и без него. Даже Боярская дума уже не имела прежнего значения. В 1654 году по указу Алексея Михайловича создается «Приказ его великого государя тайных дел». Это необычное учреждение должно было служить целиком и полностью исполнению царской воли, но, в отличие от других органов центрального аппарата, новый приказ действительно был тайным: даже бояре и другие приближенные к царю люди не должны были знать о намерениях и действиях государя. Вполне естественно, что в этом учреждении состояли особо доверенные лица.

Дьяки приказа имели право действовать в «государево имя». Никаких вольностей тем не менее Алексей Михайлович этим лицам не позволял. На исходе царствования служащие Приказа Тайных дел – подьячие – посылаются в качестве дьяков в другие приказы, что еще более отрешало Боярскую думу от повседневных государственных дел. А для царя это служило дополнительным рычагом воздействия на приказной аппарат. Штат приказа был совсем невелик, но его роль в государственной жизни приобрела существенное значение. Царь получил в свои руки не только личную секретную канцелярию. Приказ Тайных дел осуществлял надзор за всеми гражданскими и военными делами в стране и доставлял монарху необходимые сведения. Стало довольно обычным явлением, когда чиновники приказа (подьячие) отправлялись в качестве соглядатаев с военными частями и дипломатическими миссиями. Явным преувеличением звучит утверждение одного из иностранных авторов о том, что у царя везде и всюду шпионы. Однако функции тайной полиции приказ выполнял. Одной из обязанностей Приказа Тайных дел стала борьба со старообрядцами-раскольниками. Он руководил поиском и захватом потайных раскольников. Приданные чиновникам приказа стрелецкие отряды прочесывали леса в центральных местностях государства, проводили допросы пойманных, уничтожали скиты.

Бдительно следили служащие этого учреждения за состоянием умов, пресекали недозволенные высказывания подданных о царской особе. Доносы такого свойства принимались к рассмотрению, по ним чинили суд и расправу – вырезали слишком развязавшиеся языки, секли нещадно кнутом, а то и казнили.

Приказ принял на себя дела по управлению обширным хозяйством царя Алексея Михайловича. В различных районах государства располагались дворцовые села и деревни, где трудились многие тысячи крестьян. К числу дворцовых принадлежало и село Измайлово с прилегающими местностями. Здесь с особым тщанием занимались не только полевыми работами. Знаменитые сады и огороды были гордостью государя. Система прудов с мельницами и плотинами поддерживалась в должном порядке.

Приказ довольно аккуратно вел приходно-расходные книги денежной жизни, из которых можно почерпнуть весьма интересные данные о жизни не только царского двора, но также по более широкому кругу вопросов. Согласно распоряжению Алексея Михайловича, здесь же велись «дневальные записки», где отражались (подчас по дням) занятия царя, его местопребывание, записывалось, кто начальствовал стрелецким караулом. И едва ли не самое редкое – в этих записках давались краткие сведения о погоде в Москве. Другого подобного источника о метеорологии той поры наука не знает.

Нам не раз придется иметь дело с документами Приказа Тайных дел.

Наконец, новое административное детище царя Алексея занималось обеспечением охотничьих пристрастий государя, прежде всего потехи с ловчими птицами (соколами, ястребами).

В помещении Приказа Тайных дел его хозяин имел «рабочее место» – стол с набором письменных принадлежностей. Здесь царь выслушивал доклады, читал документы, отдавал распоряжения.

Значительным шагом по пути усиления царской власти стало создание так называемого Счетного приказа. Тем самым была предпринята попытка согласовать финансовую деятельность сложной системы приказов – центральных ведомств. Предполагалось контролировать денежные поступления в казну и расходования средств. Серьезных последствий создание такого органа, однако, не имело.

Еще одним новым государственным учреждением, появившимся также по инициативе Алексея Михайловича, стал Записной приказ. Ему вменялось в обязанность составить историко-родословный труд о династии Романовых и ее деятельности. Вероятно, в русле этой идеи стало возможно составление богато иллюстрированного «Титулярника» (1672 год)», над которым трудились искусные мастера-художники. Этот труд был призван соединить правителей дома Рюриковичей с новой династией в виде галереи портретов, то есть утвердить место под солнцем новых русских царей. Изображения иностранных монархов должны были показать международное значение российских властителей, а рисунки гербов городов и областей страны как бы расшифровывали впечатляющий и обширный титул государя. Все это служило идее возвеличивания царской власти.

В развитие постановлений Уложения 1649 года о царской чести издаются указы, преследующие цель их пополнения и уточнения. К примеру, в 1668 году появилось повеление: «Когда будут великому государю выходы», то на улицах всадники должны сойти с коней и стоять, сняв шапки, «смирно и немятежно, и меж себя у них никаких игр не было». Пешим людям указывалось стоя встречать государя и также без шапок. О царских «выходах», их торжественности и величии будет речь ниже. А сейчас приведем еще одно небезынтересное свидетельство того, как внушалось подданным с малолетства благоговение перед государем. В 1657 году царь и патриарх Никон должны были посетить Иверский монастырь. Туда полетела предупредительная патриаршая грамота. В ней строго наказано было «убрать» (нарядно одеть) двенадцать монахов, которым предстояло «орацию говорить краткую и богословную, и похвальную». С той же целью приписывалось подготовить двенадцать «младенцев» – также для произнесения орации. Сверх того патриарх требовал, чтобы во время пребывания царя пресечь любые тяжбы, челобитья. Сомнительных и неугодных людей убрать из монастыря, «да и иных смутных людей, которых – либо чаять, потому ж на то время... отослать дале, где пригож». К слову заметим, что конфликт царя и патриарха еще не развернулся, и оба владыки официально назывались «великими государями», пока не произошло низложение Никона.

Посещавшие Москву времен Алексея Михайловича иностранцы в один голос заявляют, что появление царя на людях обставлялось с необыкновенной торжественностью и пышностью, чтобы подчеркнуть могущество и богатство православного государя. Став патриархом, Никон много способствовал этому, не забывая, однако, и о возвеличении собственной персоны. Описания «выходов» в русских источниках не оставляют сомнений в справедливости таких оценок. Это касалось как религиозных праздников, так и встреч и проводов иностранных посольств, отправления царя в походы и т. д. Пышность и великолепие царских выходов поражали современников. Все было продумано до мелочей и оставляло у зрителей ощущение не только торжественности, но и эстетического удовольствия. Не говоря о роскошном одеянии государя, сверкающем убранстве его коня, вся процессия являла собой красочное зрелище. Отряды воинов в одеждах определенного покроя и расцветок, обдуманное чередование пешего и конного строя, вереницы нарядных карет и повозок, группы знаменосцев с расцветченными знаменами – все это должно было подчеркнуть богатство и могущество царя России. Сам Алексей Михайлович очень любил все эти «действия» и с удовольствием в них участвовал. Нередко (если не всегда) царь следил за «чином» таких мероприятий, сам распределял роли, проверял «рописи» участников, вносил в них своей рукой исправления и дополнения. Царь любил во всем порядок и исполнительность подчиненных. Недаром в написанном им Уставе соколиного пути есть такие слова: «Никакой бы вещи без благочиния и без устройства уряженного и удивительного не было, чтобы всякой вещи честь и чин и образец писанием предложен был». Настроения царя очень созвучны тому, что его сын будет осуществлять решительной рукой во всех областях жизни государства, – это регламентация.

Особенно торжественное зрелище представляли собой крестные ходы, приуроченные к большим церковным праздникам. Если внимательнее присмотреться к этим церемониям, то можно обнаружить в них не только дань религиозному мироощущению их современников, но и нечто большее. Конечно, Рождество Христово, Пасха и некоторые другие великие дни христианского календаря имели свое назначение и воспринимались соответственно. Нисколько не умаляя значения этих празднеств, обратимся к другой их группе, более тесно связанной с историей России.

Следуя за тогдашним исчислением времени (Новый год – 1 сентября – также отмечался неким церковным «действием» и заканчивался большим приемом у царя), рассмотрим другие примечательные даты, сопровождавшиеся крестными ходами. Праздник Покрова Богородицы отмечался торжественно 1 октября. В этот день царь, патриарх, высшие гражданские и духовные лица шествовали в Покровский собор, «что на рву», то есть в храм Василия Блаженного. Этим отдавалась дань уважения предкам, присоединившим Казань к России. Ведь храм Василия Блаженного, как известно, был воздвигнут в память об этом выдающемся историческом событии.

А 22 октября Москва являлась свидетелем одного из самых грандиозных праздников – Божьей Матери Казанской. Алексей Михайлович в сопровождении бояр и духовенства шел за иконой Казанской Богоматери. Служба проводилась в Казанском соборе на Красной площади. Вспомним: в этот день в 1612 году начался штурм укреплений Китай-города, за которым последовало взятие его, а затем и самого Кремля. Осуществлялось долгожданное «очищение московское», польско-литовский гарнизон сложил оружие, и рать Второго ополчения во главе с Д.М. Пожарским и К.М. Мининым вступила в Кремль. Русских ратников осеняла тогда икона Казанской Богоматери. Ее считали в народе избавительницей Руси, ей посвятили построенный в центре столицы храм. Поэтому русские люди с особым чувством отмечали этот праздник, он обретал черты живого напоминания о патриотических свершениях народа. И царь Алексей это понимал. Он с особым тщанием относился к организации всех мероприятий этого дня. Торжественные процессии, в которых участвовали стрелецкие и солдатские части, обходили стены Кремля, Китай-города, Белого и Земляного по строго заведенному распорядку. Едва ли не высшей точкой праздника было восхождение на круглую башню Китай-города по причине ее «первовзятия» в памятном 1612 году. Другой праздник Казанской Богоматери отмечался летом по случаю обретения этого чудотворного образа.

Несомненно патриотическое звучание и чествование другой православной святыни – иконы Владимирской Богоматери. В день ее праздника икону несли крестным ходом, в Успенском соборе царь и власти присутствовали на молебне, Вероятно, вспоминали тогда, как этот образ предостерег Русь от нашествия орд Тимура. Богослужения в дни московских чудотворцев Алексея, Петра и Ионы (русских митрополитов времен владычества Орды) также возвращали мысли к тем далеким временам.

Не исключено, что крестный ход 19 августа к Богородице Донской также имел отношение к историческим событиям – борьбе с Ордой, а позже с Крымским ханством.

Каждый год в осенне-зимний сезон царь Алексей Михайлович вместе с семейством совершал «походы» в Троице-Сергиев монастырь, где молился в храмах этой обители, вознося хвалу одному из вдохновителей борьбы Руси против ордынского ига. Помимо того в самой столице проходили богослужения в день памяти Сергия Радонежского.

Алексей Михайлович имел обыкновение направлять придворных и военачальников в наиболее почитаемые московские церкви, когда по городу двигались процессии с крестами и иконами. Царские посланцы должны были следовать за образами и представлять особу государя при всех этих храмах.

Когда в Москву прибыли вселенские патриархи на Церковный собор по делу Никона, их неизменно приглашали участвовать в церковных праздниках и отправлять службы в

московских храмах. При этом публично произносились здравицы – благословения царю как ревнителю православного вероучения. Так, в 1668 году после службы в Успенском соборе патриарх Антиохийский Макарий прочел в адрес царя благословенную грамоту.

Для тогдашней жизни было правилом любое начатое или завершённое государственное дело отмечать торжественным богослужением. При этом царь лично провожал или встречал иконы, бывшие в походах или на переговорах с представителями других государств («на съездах»). Притом речь идет не только о делах внешних. Сам государь в своих походах против Яна Казимира и шведского короля имел почитаемые образы, а также «пелены» с изображениями святых и преподобных, («те все пелены были за великим государем... в Смоленском, и в Виленском, и в Рижском походах»). В единственном сохранившемся от 1670 года письме родным Алексей Михайлович писал: «А мы на Спасителеве деле, так же и всего нашего государства на великом смотре...» Царь придавал большое значение своевременному вручению воинским частям боевых знамен, на которых была как религиозная символика, так и иные изображения. Алексей Михайлович торопил мастеров, чтобы они изготовили знамена из отпущенных для этих целей тканей («дорог», «киндяков» и пр.). В день Богоявления обычно духовенство кропило святой водой знамена стрелецких войск.

С большой помпой были отправлены на «государеву службу» войска в Уфу и Казань 7 и 12 сентября 1669 года. Царь наблюдал, как ратные люди шли строем со знаменами, пушками, литаврами, барабанами и трубами. Двадцать девятого ноября 1672 года Алексей Михайлович встречал русское посольство, вернувшееся из Польши, и шел за образом Спаса, 8 и 11 декабря того же года он учинил смотр-провождение войск, направленных в Киев с князем Трубецким, а 31 января 1673 года государя можно было видеть на проводах ратных людей, уходивших служить на Дон.

Необычайным великолепием отличались приемы и отпуски иностранных послов. Существовала детально разработанная процедура, которой неукоснительно руководствовались в Посольском приказе и при царском дворе. Наиболее почетной считалась «встреча большая», когда посол иной страны мог видеть наивысшие знаки внимания. Соответственно этому обставлялись все этапы приема в царском дворце – приезд послов в Кремль, встреча у лестницы, на крыльце и так далее. Чем ближе к царским палатам, тем выше был ранг встречавших русских сановников. Неизменно высших почестей удостоивались послы «цесаря». Алексей Михайлович принимал заграничных дипломатов, сидя на «царском месте». К государевой руке допускали не каждого. Да и характер приема мог зависеть от состояния отношений России с тем или иным государством. Если о здоровье иноземного монарха царь спрашивал, вставая со своего места, то во время приема английских послов от Кромвеля Алексей Михайлович демонстративно не поинтересовался здоровьем протектора и не поднялся в знак приветствия. На аудиенциях бояре и другие «ближние люди» блистали золотыми цепями и роскошной одеждой. Полы, лестницы, стены помещений на пути следования почетных гостей покрывались дорогими тканями и коврами.

Конечно, год на год не приходился, и Алексею Михайловичу порой долго не встречались на приемах иноземные представители. Но в 1657 году «дневальная записка» зафиксировала приемы послов и посланников из Крыма, Речи Посполитой, Бранденбурга, Молдавии, не считая посланцев от Богдана Хмельницкого и калмыков, а также греческих духовных лиц и купцов. Рабочая часть переговоров обычно проходила в Ответной палате, где бояре и дьяки беседовали с послами, передавали им мнение царя и выясняли все интересующие русскую сторону вопросы.

Иностранные дипломаты пользовались в Москве обильным «кормом» и питием, их приглашали к богатому царскому столу перед отпуском на родину. Вручались также дары, от стола передавались кубки и ковши с горячительными напитками. При этом не обходилось без курьезов. Крымские послы порой воспринимали драгоценные сосуды с питием как подарки и прятали их за пазуху. Считалось неприличным отнимать эти предметы. И тогда нашли способ: крымцам посылали вместо драгоценных чаш их имитации из меди, для вида посеребренные или позолоченные.

Одним из самых пышных был прием грузинского царевича Николая Давыдовича и его матери, когда они решили отправиться из Москвы на родину. Прощальная аудиенция была дана царицей Марией Ильиничной для матери царевича Елены Леонтьевны. Присутствовали одни женщины сообразно принятому при дворе «чину», что было в то время чрезвычайно редко.

Постоянной заботой Алексея Михайловича было стремление закрепить положение будущего наследника престола в государстве. Мы уже видели, как царь повелевал на время своих военных походов писать донесения и другие документы на имя младенца Алексея. Когда отрок достиг тринадцатилетия, Алексей Михайлович устроил его пышную «презентацию». Наследника «явили» придворным и войску, разумеется, и духовенству. Второго сентября 1667 года уже сам Алексей Алексеевич в своей Столовой палате устроил «кушанье» для многих приглашенных в тот день вельмож, дворян, начальных людей войска. И «вечернее кушанье» тогда состоялось в Деревянных хоромах у царевича. На именинах царской дочери Марфы Алексей Алексеевич угощал тридцать человек нищих и одарил их деньгами – по два рубля на брата. А 7 сентября 1667 года состоялся большой прием в Грановитой и в Золотой палатах, где царь «объявил» наследника престола. Среди гостей значились иноземцы; генерал-поручик Бовман (сидел на весьма почетном месте близ царя), «дохтур, и аптекари, и полковники, и подполковники», «здоровать» царевича приходили стрелецкие и солдатские полки, за что получили вознаграждение, Недолог оказался век надежи царской... Через два года Алексея Алексеевича не стало. Конечно же, выходами, приемами, смотрами не исчерпывалась государственная деятельность Алексея Михайловича. Было много повседневной, будничной работы, от которой царь не уклонялся. Образ благодушного лежебоки, любителя сытно покушать и повеселиться вряд ли соответствовал действительности, хотя именно в таком духе представлял его в своих

последних произведениях и письмах неистовый протопоп Аввакум. Если просмотреть записные книги Приказа Тайных дел за 60-е – начало 70-х годов XVII века, то можно убедиться в большой каждодневной работе царя (рассылка указов, писем, фиксация устных распоряжений и так далее). Показателем несомненной активности царя служат довольно многочисленные его автографы, имеющие прямое отношение к различным областям внутреннего управления и внешней политики, не говоря уже о хозяйственной документации. Если бы ученые задались целью подготовить к изданию все, что вышло из-под пера царя Алексея, им редактировалось, диктовалось (а именно по этому принципу печатаются более ста лет тома «Писем и бумаг императора Петра Великого»), то набрался бы солидный том, возможно, и не один. Так или иначе, можно с должными основаниями говорить, что причастность царя ко всему, что касалось страны в его правление, достаточно заметна.

Многие документы начинаются словами «по государевому указу», «по именному государеву указу». В ряде случаев это еще не обозначало прямого участия царя, так как могли подобным образом ссылаться на законы, на то же Уложение 1649 года и так далее. Однако очень часто речь идет именно о непосредственной роли самого Алексея Михайловича. Известны ранние хозяйственные документы, исходящие от Алексея Михайловича, его резолюции на челобитной сокольников, письма будущему патриарху Никону (их более сотни) и другим деятелям. Алексей Михайлович получал от должностных лиц запросы, как поступать в тех или иных случаях, и давал на эти «статьи» свои руководящие ответы. В описях Дел Тайного приказа нередко указания на царскую руку. Готовясь к заседаниям Боярской думы, государь иной раз составлял для себя своего рода программу-тезисы, как вести дело. Вот пример достаточно показательный. В 1655–1656 годах царь написал «статьи», посланные в разные города воеводам с подьячим Приказа Тайных дел Ю. Никифоровым, в которых изложен такой план:

«В Переяславле. О здоровье (то есть спросить. – А.Г.). О обнадеживании милости, что выданы не будут, а обережены будут ратными людьми, и о повороте в Переяславль Семенова полку Змеева, у которого быть Ивану Чаадаеву, и верному б быть надежну во всем, и впредь о верной службе безо всякого сомнения, о побое Чернецкого и очищенье Быхова...

О развитии негодной крови ни за что и о унятии разрешением Днепром и Киевом.

О миру польском, о третьих о том же и так никогда учинено не будет, хотя разлитие будет...

О житье в подданстве, о могилевских поборах...»

На первый взгляд малопонятный текст представляем собой план достаточно пространной информации, которую царский посланец должен был изложить устно представителям гетманской власти в Переяславле. О перемещении полков догадаться можно без труда. Сложнее расшифровать пункты, относящиеся к военным делам с Речью Посполитой. Можно полагать, что царь говорит о возможном перемирии на условиях разграничительной черты между Россией и Речью Посполитой по Днепру (Киев – русской стороне). «Негодная кровь» скорее всего понимается как напрасная. Под «третьим» разумеется посредничество в переговорах. Царь недоволен злоупотреблениями своих военачальников в занятом Могилеве и желает предоставить более благоприятные условия новым подданным.

Во время одного из своих походов Алексей Михайлович составлял наказ Н.И. Одоевскому (писан «в наших царских шатрах»). Здесь же формулировался текст присяжной записи о приводе к «вере» украинских гетманов. А.Л. Ордину-Нащокину государь сообщал, что присланные тем «статьи» он прочел и они «зело благополучны», но тут же замечает, что одну из статей нужно «вынуть» до нового рассмотрения. Тому же адресату было сообщено о посылке «указных статей» царя на поступившие запросы. Ордину-Нащокину переправлялись с нарочными «тайные статьи» государя, в том числе написанные криптограммой. Сам царь был причастен к разработке тайнописи. Алексей Михайлович строго следил за тем, чтобы секретные бумаги доходили только до тех лиц, которым предназначались. В особых случаях надлежало сжигать письма и грамоты после прочтения.

Алексей Михайлович требовал от чиновников приказного аппарата соблюдения определенных правил. Так, в 1658 году был принят указ: «Приказным людем, дьякам и подьячим в приказах сидеть во дне и в нощи 12 часов». Наказывалось в Золотой палате «сидеть» боярам, окольничим и думным «по вечерам, а съезжаться в 1-м часу ноци (то есть после захода солнца). «В приказах судьям и дьякам сидеть за дела с 1 часа ноци во все дни, да им же с делами входить в Верх перед бояр и сидеть в приказех до 8-го часа, с 1-го часа ноци». Это уточнение было дано в 1669 году.

Определив продолжительность рабочего дня приказных людей, царь не разрешал своим подчиненным чем-либо заниматься в воскресные дни. Стольник князь Г.В. Оболенский угодил в тюрьму за то, что «у него июля в 6-м числе, в воскресенье недели всех святых, на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же, князь Григорий, говорил скверные слова».

По указанию государя было составлено расписание внесения дел приказами на рассмотрение Боярской думы по дням недели. Не ограничиваясь тем, что служители Приказа Тайных дел «надсматривали» за деятельностью других приказов, Алексей Михайлович время от времени лично посещал их для проверки. 12 июля 1662 года он, например, инспектировал Пушкарский и Сибирский приказы. С. Коллинс писал: «Скоро царь намерен ходить и осматривать бумаги дьяков своих, чтобы видеть, какие дела решены и какие просьбы остались без ответа». Но, видимо, это не было постоянной практикой.

Многое в состоянии государственных дел зависело от местного управления. Царю Алексею не удалось наладить должным образом работу воевод, в обязанности которых входил самый широкий круг вопросов административного, военного и судебного характера. Воеводы правили как царьки, злоупотребления по должности являлись обычным делом. От притеснений местных «игемонов» стонал народ, в Москву тянулись вереницы челобитчиков в поисках управы на зарвавшихся правителей. Все это было хорошо известно царю, но изменить сложившуюся практику было, по сути дела, невозможно. И хотя время пребывания в воеводской должности было ограничено двумя – тремя годами, новые лица вели себя не лучше. Строгие наказания правительства беречь население, соблюдать закон, не позволять взяточничества и других преступлений оставались на бумаге. Не слишком помогали наряжаемые правительством сыски по жалобам, отзыв отдельных воевод и прочие меры. Жизнь шла по заведенному кругу. А дворяне, зная, что воеводская должность сулит обогащение, наперебой выпрашивали у монарха назначения на эти посты. Конкуренция была жестокой. И здесь пускались в ход подкупы приказных чиновников, родственные связи, знакомства.

В условиях войны Алексей Михайлович при определении на воеводскую должность руководствовался собственными соображениями. И они имели свою логику. Требовалась широкая мобилизация служилых людей в действующую армию. Поэтому появляются на свет распоряжения царя о назначении воеводами отставленных от службы по ранению. Им предоставлялась первоочередность в определении на должность. Это одновременно означало и поощрение, награду за перенесенные на войне страдания. К раненым приравнивались и бывшие в плену. Такого рода указ был издан в мае 1660 года. Предполагалось воевод, пригодных для полковой службы, отозвать с мест и заменить их ранеными и освободившимися из «полоня». Но и в данном случае более чем на один срок воеводства дворяне рассчитывать не могли. Еще более радикальный шаг предприняло правительство в следующем году. Вероятно, много треволений доставил дворянству указ, согласно которому «...изо всех городов воевод и приказных людей для своей государевы службы переменить и выслать к Москве». Управление на местах препоручалось губным старостам, а там, где таковых не было, следовало привлечь отставных дворян и детей боярских. Была составлена именная роспись отзываемых в Москву. Попутно заметим, что в то время к раненым и перенесшим «полонное терпение» проявлялось сильное внимание, при этом не очень большое значение имела социальная принадлежность. Для выкупа пленников существовал государственный налог – «полоняничные деньги». Вчерашние крепостные и холопы, вернувшиеся из плена, становились свободными. Для «полоняников» устраивались приемы у царя. Семьи и вдовы погибших на службе получали казенное пособие, что распространялось, к примеру, на стрельцов. Увечных по возможности определяли в богадельни.

Теперь вернемся к событиям войны и международных отношений, изложение которых мы прервали на исходе 50-х годов XVII века.

Мысль невольно возвращается к тому вопросу, который волновал и современников, а у последующих историков получил самую противоречивую трактовку. Нужно ли было России прерывать удачно начатую войну против Речи Посполитой на хрупкой основе перемирия и обращать оружие в сторону Швеции? Не было ли это роковой ошибкой внешней политики правительства Алексея Михайловича, в результате которой не удалось добиться присоединения всей Украины, а на северо-западе остаться «при пиковом интересе»? Пожалуй, наиболее определенно на сей счет выразился историк Н.И. Костомаров, который резко осуждал Алексея Михайловича и его советников за этот зигзаг внешней политики, называя войну со Швецией «нелепой». Заключенный в Вильно договор с Речью Посполитой этот историк назвал «самым губительным ударом для Хмельницкого», то есть препятствующим укреплению союза России с Украиной. Сходную позицию занимали некоторые советские ученые, полагавшие русско-шведскую войну 1656–1661 годов случайностью в политическом курсе России, даже ошибкой. Была высказана и более уравновешенная точка зрения, согласно которой имелась своя логика в изменении внешнеполитической ориентации России в середине 50-х годов XVII века. Сложный клубок взаимоотношений государств на востоке и севере Европы в тот исторический момент порождал немало споров историков разных стран, гипотез. Один шведский ученый выдвинул положение о том, что нападение Швеции на Речь Посполитую в 1655 году явилось превентивным антирусским действием, которое сочеталось с попыткой шведской стороны договориться с Яном Казимиром о совместном выступлении против России. И лишь несговорчивость короля Речи Посполитой помешала осуществиться этому замыслу. Нашлись и сторонники и противники такого подхода. Но и среди советских исследователей бытует мнение, что война 1654–1667 годов со стороны России была направлена не только на восстановление старинных земель Руси – Украины, Белоруссии, Смоленска, но также и на продвижение к Балтике. В этом плане русско-шведский конфликт не кажется чем-то противоестественным и нелогичным. Верно и то, что в правящих кругах России шла борьба группировок.

Вряд ли можно сомневаться, что вступление Швеции в войну против Речи Посполитой не было изолированным явлением. Известно, что могущественные литовские магнаты Радзивиллы перешли на сторону Карла X Густава добровольно. А это произошло тогда, когда значительная часть Литвы с ее столицей уже была занята русскими войсками. В Польше также были силы, делавшие ставку на шведского короля, союз с которым рисовался выходом из сложившегося положения – сначала щит против России, а затем и союзник в борьбе с ней. В любом случае позиция России была невыгодной, что и не замедлило сказаться на театре военных действий. Если правительству Алексея Михайловича удалось избежать войны против коалиции Речи Посполитой и Швеции, то сразиться порознь с этими державами пришлось.

В обрисованном раскладе политических сил мы намеренно пока не рассматривали одну из важнейших составляющих тогдашней международной конъюнктуры – Украину. Сейчас можно достаточно уверенно говорить, что «малороссийский вопрос» занимал едва ли не ведущее место во внешнеполитической жизни России.

После принятия Украины в подданство России Земским собором, а затем Переяславской радой 8 января 1654 года Москву посетило посольство от Богдана Хмельницкого. Были приняты так называемые «мартовские статьи», которые уточняли условия подданства, порядок управления Украиной, имевшей тогда автономное положение. Гетман располагал довольно широкими полномочиями, хотя было признано, что сношения с другими государствами он будет осуществлять по согласованию с Москвой. Это в дальнейшем обеспечило постоянные контакты посланцев Хмельницкого с царскими властями на всех уровнях. Последующая практика подтвердила, что во многих вопросах, несмотря на некоторые порой трения, Россия и Украина при Богдане Хмельницком проводили согласованную политику. Иной раз внешняя сторона дела для историков затмевала глубинный смысл происходившего. Не было недостатка в критике «непоследовательности» гетмана и «жесткости» московской линии. При более основательном изучении проблемы картина предстает в ином свете. Оказывается, военно-дипломатические шаги со стороны царя и гетманской власти были куда более скоординированными, чем можно было думать. Хмельницкий остался до своей кончины верным принятым на себя обязательствам, а правительство России с его помощью решало важные вопросы в интересах обоих народов. Между прочим, Б. Хмельницкий был посредником в переговорах придунайских княжеств Молдавии и Валахии (вассалов Турции) о переходе в российское подданство. В 1656 году прибывшие в Москву послы молдавского господаря Стефана привезли Алексею Михайловичу грамоту с просьбой о подданстве. Положительный ответ был дан в царском послании господарю от 29 мая 1656 года. Но осуществление на практике состоявшегося договора натолкнулось на серьезнейшие препятствия внешнего порядка. Османская империя и Крымское ханство стояли на пути, да и северный сосед – Речь Посполитая – имел свои виды на придунайские княжества. Не встречало поддержки такое развитие событий и у Империи. Последняя приложила усилия к тому, чтобы примирить Россию и Речь Посполитую, не позволив окончательно сломить католическую шляхетскую республику. Посол Империи Алегретти сумел сделать все от него зависящее, чтобы перемирие в Вильно было заключено и военные действия прекратились.

Во всех хитросплетениях дипломатической борьбы Россия, вероятно, допустила тогда один изрядный промах: она начала войну против Швеции, не получив от Речи Посполитой официального признания территориальных завоеваний, то есть воссоединения Украины и Белоруссии, возвращения Смоленской земли. Это обстоятельство развязало руки Яну Казимиру в дальнейшем. Когда фактически прекратились боевые действия русских войск против Швеции, а переговоры о мире уже начались со шведской стороны, Речь Посполитая вдруг активизировалась. Ее войска повели наступление в Белоруссии, началось их продвижение в Литве. Осаде подвергся русский гарнизон в Вильно. Правда, князь Ю. Долгорукий нанес противнику серьезное поражение и пленил гетмана Гонсевского.

Осложнилась обстановка на Украине после смерти в 1675 году верного последователя воссоединения – гетмана Богдана Хмельницкого. Ему не оказалось достойной замены. Старшинская верхушка проявляла колебания в своей политической ориентации. Пробившийся к власти Иван Выговский вскоре выдал свои тайные замыслы, перейдя на сторону Речи Посполитой.

Чрезвычайно осложняла обстановку позиция Крымского ханства. На первых порах освободительной войны Украины и Белоруссии Хмельницкому удалось заручиться военной поддержкой Крыма. Тяжким был этот вынужденный союз для Украины, но другого выбора у гетмана тогда не было. Не раз войска хана и его подручных вели себя вероломно, так случилось в битвах при Зборове и особенно под Берестечком (1651 год). Пока Украина боролась против Речи Посполитой без признания себя в русском подданстве, крымско-украинский союз кое-как существовал. Но стоило Хмельницкому признать над Украиной верховенство России, Крымское ханство отказалось от военного союза с гетманом и перешло к враждебным действиям против непокорного края и поддерживавшей его России. Более того, хан договорился с Яном Казимиром о совместной антиукраинской и антимосковской борьбе. Если какой урок и вынесла Россия из предыдущих военных конфликтов, так это нежелательность вооруженного противостояния одновременно на западе и на юге. И все же складывающаяся обстановка заставляла пойти на это. Усилия русской дипломатии при поддержке гетманской стороны не дали нужного результата. Россия вошла в полосу непредсказуемых обстоятельств. Измена И. Выговского внесла смуту на украинские земли, затруднив там положение сторонников Москвы.

В апреле 1659 года у города Конотопа разыгралось сражение между казаками И. Выговского и ордой крымского хана с одной стороны, и русскими войсками князя Трубецкого с другой. Изобразив отступление, противник заманил русскую конницу под началом двух воевод в засаду и окружил рать. С большим уроном битва была проиграна. Несколько тысяч пленных резали как баранов, выведя на открытое поле. Трубецкому удалось вывести основные силы из Конотопа и перевести их в Путивль. Многократные атаки преследователей были отражены благодаря сильному артиллерийскому заслону русских.

Известие о Конотопском побоище вызвало немалую тревогу в Москве. По царскому указу москвичей вывели на постройку земляных укреплений, опасаясь неприятельского прихода. Алексей Михайлович появился на людях в траурном «печальном» одеянии. Но случилось так, что хан, узнав о действиях запорожцев против Крыма, повернул назад. «Чинили промысел» над Крымом в это время и донские казаки. Выговскому ничего не оставалось делать, как отказаться от дальнейших активных действий в одиночку. Настроение казачества и всего народа было не в пользу преступившего клятву гетмана. Вскоре его лишили гетманских «клейнодов», и рада выбрала нового гетмана – сына Богдана Хмельницкого Юрия, который присягнул на верность Алексею Михайловичу. Речь шла о всей Украине – Левобережной и Правобережной. Польский военачальник А. Потоцкий, не без огорчения извещал короля, что население Украины поддерживает Москву. Выговский с семьей был выдан царским воеводам и отправлен в сибирскую ссылку. Князь А.Н. Трубецкой в какой-то мере сумел отплатить за конотопский позор. Его войска нанесли поражение неприятелю у Быхова. Город был взят. Царь отблагодарил воеводу. Ему вручили шубу в триста шестьдесят рублей, массивный драгоценный кубок, двести рублей придачи к жалованью и передали родовой город Трубчевск в вотчину. На одном из приемов в адрес Трубецкого по царскому велению произнесли речь, в которой отмечалось, что он «оборонной рукой» отбил от противника, заставив его понести большие потери.

Поистине «черными» стали для России 1660 и 1661 годы, когда посыпались военные неудачи. Большая армия В.Б. Шереметева, измотанная предыдущими боями с польско-татарским войском, подступила к городу Чудново. Противник опередил русских и занял выгодную позицию на замковой горе. Шедшие на соединение, с Шереметевым казаки Юрия Хмельницкого получили ложные известия о разгроме русских. Ю. Хмельницкий, о котором тот же Шереметев отозвался как-то в очень нелестном духе («этому гетманишке надобно было бы гусей пасти, а не гетманствовать»), вступил в переговоры с польско-татарскими начальниками. Русский лагерь подвергался постоянному обстрелу из пушек, кончились запасы пороха и свинца, ратники голодали, в пищу пошли палые лошади. Принявший присягу королю Ю. Хмельницкий призвал казаков из стана Шереметева покинуть его. Русское войско оказалось в отчаянном положении. Двадцать третьего октября 1660 года Шереметев пошел на переговоры. Пришлось принять жесткие условия неприятеля о капитуляции. Самого Шереметева татары увели в Крым, надеясь получить за него богатый выкуп. Самое боеспособное войско России выбыло из игры.

Чудновская катастрофа вызвала в Москве огромное беспокойство. Как и год назад, опасались продвижения неприятеля к столице – путь был почти открыт. К тому времени дурные вести поступили и из белорусско-литовских краев. Там потерпело поражение войско боярина И.А. Хованского. После упорной осады Ян Казимир взял Вильно, в его руки перешли многие города. Не исключалось, что и с этой стороны можно ждать угрозы Москве. Не было уверенности в надежности перемирия со Швецией: помнили внезапное нападение шведских войск на Речь Посполитую в 1655 году. В столице поговаривали и о возможном отъезде Алексея Михайловича в Ярославль или Нижний Новгород. «Дневальная записка» за это время не отмечает каких-либо отклонений от заведенного при дворе порядка.

Царя серьезно тревожил вопрос о реакции на военные поражения России в других странах. По распоряжению государя было написано изложение событий в истолковании русской стороны. Указывалось на предыдущие победы русского оружия, изобличалась тактика затягивания мирных переговоров комиссарами Речи Посполитой, использованная для усиления войск и их развертывания против России. Не обойдено было и предательство Ю. Хмельницкого, а также осуждался крымский хан за содержание В.Б.Шереметева в тюрьме. Этот материал был отправлен в Любек русскому агенту для публикации в газетах и рассылки в окрестные государства. В сопроводительной царской грамоте говорилось: «Как к тебе ся наша грамота придет, а авизы (это слово знали в России еще до Петра. – А.П.) печатные в немецких государствах и в иных городех о побоее... воеводы Василя Борисовича Шереметева с товарищи и наших... ратных людей их полков учнут выходить, и ты б те авизы покупал и после тех авиз велел напечатать авизы другие по образцовому письму, каково тебе послано под сею... грамотою». Само это действие русского монарха свидетельствовало о заинтересованности в том, чтобы за рубежом существовало благоприятное мнение о его стране. В свою очередь, здесь нельзя не отметить понимания государственных задач, вполне соответствующих эпохе.

Мирные предложения России были отвергнуты в Варшаве. Там не хотели и слышать о переговорах иначе как на условиях унижительного для России Поляновского мира, то есть полного отказа от всех приобретений, включая Смоленск. На это царь пойти не мог, и война продолжалась, хотя обе стороны изрядно обескровили друг друга и с трудом продолжали ее. По-прежнему основные события развертывались на Украине, где происходили почти постоянные столкновения между сторонниками и противниками Москвы. Обнаружились немалые противоречия казачества и городского мещанства. Да и в среде казачества существовали разные группировки, ориентация которых была нередко весьма переменчивой. Военная обстановка накладывала свой отпечаток, и состояние между молотом и наковальней – тем более. Противоборствующие стороны в равной мере допускали одну ошибку, имея дело с Украиной: они ее видели прежде всего как объект борьбы и властвования, а не субъект собственного исторического бытия. А это, в свою очередь, еще туже затягивало узел трудностей и противоречий, разговор шел порой на разных языках. Но одно обстоятельство из всех драматических событий той поры в связи с Украиной вырисовывалось с достаточной рельефностью, хотя его не все принимали и понимали. Жизнь показывала, что Украине собственными силами из водоворота событий выйти невозможно. Отсюда частые метания тех или иных значительных лиц из казацкого лагеря то в одну, то в другую сторону. Между тем и в Варшаве и в Москве воспринимали все это лишь сквозь призму «измены» и склонны были объяснять происходящее своеволием и непостоянством казаков. Подобный взгляд проник и на страницы солидных исторических сочинений. Так, В.О. Ключевский счел возможным в следующих словах оценить роль казаков и их вождей в то бурное время: «Истый представитель своего казачества, привыкшего служить на все четыре стороны, Богдан (Хмельницкий. – А.П.) перебивал слугой или союзником, а подчас и предателем всех соседних владетелей, и короля польского, и царя московского, и хана крымского, и султана турецкого, и господаря молдавского, и князя трансильванского и кончил замыслом стать вольным удельным князем малороссийским при польско-шведском короле, которым хотелось быть Карлу X. Конечно, нельзя отрицать того факта, что казачество как воеобразный социальный слой (особенно вольное запорожское) не могло обходиться без грабежа, который доставлял средства для существования. И все же в конечном счете оно проявляло чувство своей родины и хотело ей свободного житья. По мере развития конфликта между Речью Посполитой и Россией из-за Украины все явственней выступала на историческую арену роль южных соседей – Крымского ханства и Османской империи. Оба эти государства заявили свои претензии на Украину и включились в конфликт. Турция заявила себя в этом отношении позже Крыма, но зато и угроза с ее стороны для других участников была наивысшей. Пока шло соперничество между гетманами варшавской и московской ориентации, выдвинулся деятель украинского казачества, считавший целесообразным признать власть турецкого султана. Им был Петр Дорофеевич Дорошенко. Свою позицию он откровенно выразил в 1666 году. К той поре Украина являла собой страшное зрелище – результат бесконечных распрей и военных походов, в том числе неизменно грабительских нашествий крымских татар. Тысячи и тысячи людей угонялись в рабство. Особенно пострадало Правобережье. Относительно благополучным было положение Левобережья, где русская сторона стремилась наладить мирную жизнь и пресекать вторжения с правого берега Днепра и с юга. Состояние Правобережья было метко названо современниками «руиной».

Для людей того времени независимо от их настроений разница в положении двух частей Украины объективно была в пользу Москвы. Антимосковски настроенный гетман Правобережья Павел Тетеря признавался в письме польскому королю (1664 год), что «...вся Украина решила умереть за имя царя московского». Кошевой атаман Запорожья Иван Сирко уверял Алексея Михайловича, что все города от Днестра до Днепра хотят «держатися под крепкою рукою вашего Царского величества, доколе души их в телесах будут». Население не раз просило, чтобы царь прислал на Украину своих воевод. При всех недостатках этой формы правления, которую на своем опыте познали русские люди, введение воеводской власти было признаком хоть какого-то порядка во всеобщем беспорядке. Воевод то изгоняли, то настаивали на их возвращении. Характерно в этом плане письмо нежинского писаря Филиппа Константинова находившемуся в Москве представителю мещан города и крестьян: «Припадайте к степени ног престола государева, чтобы кроме власти государевой ни едина власть власти не имела над нами... в противном случае жизнь наша будет хуже каторжной». Можно понять поэтому, что даже после заключения Андрусовского перемирия, по которому Правобережье осталось за Речью Посполитой, украинский вопрос полного разрешения не получил.

Последующие военные действия протекали с переменным успехом. Намерение Яна Казимира перенести войну на Левобережье Днепра на первых порах осуществлялось небезуспешно. Польско-литовско-татарское войско заняло несколько городов. Однако под Глуховом король потерпел неудачу и отвел поредевшую рать за Десну, а потом и за Днепр. Не получилась и операция близ Киева и Белой Церкви. Чтобы усмирить поддавшиеся Москве правобережные полки, противник прибег к уничтожению урожая на полях. Татарские загоны мешали русским отрядам сосредоточиться и соединиться с запорожцами. От царя поступали грамоты гетману И. Брюховецкому о лучшей организации совместных действий и налаживании снабжения служилых людей, которые нередко оставались без продовольствия. Удачные действия произвели у Перекопа донские казаки и калмыки. Недалеко от Умани воевода Г. Касогов вместе с казаками разбил прославленного польского полководца Чарнецкого. Но русские силы на Украине были невелики, почему гетман Брюховецкий и просил Алексея Михайловича прислать подмогу. Он писал со своими посланцами, прибывшими в Москву в январе 1665 года, что Украина в тяжком положении. Она – «преддверие Великой России. Если государь потеряет ее, не приславши... ратных людей, тогда неизбежная в Российской земле война будет». Гетман также уведомил царя о разгроме в Полесье польских полков и о других успешных действиях. В «дневальных записках» Приказа Тайных дел за 60-е годы XVII века достаточно часто мелькают сообщения о приеме и отпуске посланцев с Украины. Среди них был и гетман Иван Мартынович Брюховецкий, который удостоился необычной чести. Ему на приеме было «сказано» боярство в знаменательный праздник 22 октября 1665 года после крестного хода с образом Казанской Богоматери. Будучи в Москве, свежеиспеченный боярин женился на русской дворянке. Правда, на родине все это ему не прибавило веса в глазах населения.

В течение 1665 года военные действия между Россией и Речью Посполитой почти прекратились, но переговоры о перемирии не шли на лад. Каждая из сторон стояла на своем, и территориальный спор никак не мог найти разрешения. Король Ян Казимир

пытался добиться соблюдения условий, на которые Алексей Михайлович пойти не мог (отказ от всех завоеваний России на Украине, в западнорусских землях и в Белоруссии). Показавший себя в качестве умелого дипломата А.Л. Ордин-Нащокин, в то время уже думный дворянин, усиленно уговаривал царя пойти на уступки Речи Посполитой и поскорее заключить с ней мирное соглашение. В одном из писем Алексею Михайловичу он развернул доводы в пользу своей позиции. Не скрывая антишведских настроений, он ссылался на возможности в дальнейшем усилить связи с дунайскими княжествами, которые после заключения договора с Яном Казимиром «пристанут к союзным государствам и отлучатся от турка». Одновременно Ордин-Нащокин давал знать государю, что в Швеции продолжаются антимосковские козни. Они выражались и в том, что там «составляют злые вести, в Стокгольме печатают и во весь свет рассылают, унижая Московское государство». Оскорбительное содержание шведских известий усматривалось в том, что расписывалась слабость России, недостаток у нее войск, значительная часть которых занята подавлением восстаний внутри государства, включая движение в Башкирии. Ордин-Нащокин подозревал в этом шведского резидента в Москве. Под воздействием такого рода известий польская сторона занимает жесткую позицию. Ордин-Нащокин был склонен пожертвовать Украиной, считая казачество опасной для России силой, лишь бы договориться с Яном Казимиром. Отвечая Ордину-Нащокину, Алексей Михайлович со многим согласился, но относительно судьбы Украины был непримирим. Он наставлял своего дипломата, чтобы тот старался на переговорах отстаивать права России на обе стороны Днепра, однако не исключал и некоторого компромисса: «Иди с миром царским путем средним... не уклоняйся ни на десную, ни на шую, Господь с тобой». Последующая секретная инструкция послам предельной чертой уступок предусматривала Днепр, но лишь после конечной неудачи исходного тезиса о полном присоединении Украины. Царь болезненно воспринимал возможные отступления России по территориальному вопросу, считая себя ответственным перед Богом за православное население этого края. Кроме того, присутствовал и исторический довод – принадлежность Руси земель Малороссии и Белоруссии с давних времен. Алексей Михайлович пытался примирить сановных посланцев Н.И. Одоевского, Ю.А. Долгорукого и других с вчерашним рядовым дворянином Ординым-Нащокиным. Несогласия в посольской команде мешали совершению дела, Ордин-Нащокин откровенно жаловался на именитых собратьев, с горечью замечая: «...они службишке нашей мало доверяют... у нас любят дело и ненавидят, смотря не по делу, а по человеку...» В другом случае он писал Алексею Михайловичу: «За твое государево дело, не страшась никого, я со многими остудился, и за то на меня на Москве от твоих думных людей доклады с посяганьем и из городов отписки со многими неправдами...» Царь по мере сил старался поддержать Ордина-Нащокина, когда тот вступал в пререкания с «породными» сановниками. На жалобу боярина И.А. Хованского Алексей Михайлович отозвался письмом, где были слова; «Афанасий хотя отечеством и меньше тебя, однако великому государю служит верно, от всего сердца». Напомнив, что князя называли дураком, царь предупреждал, чтобы тот не заносился. Справедливости ради надо сказать, что и сам жалобщик проявлял гордыню и давал немало поводов для недовольства.

Усилия русских дипломатов трудно было подкрепить решительными военными успехами. Но в пользу русской стороны служил слух о том, что Алексей Михайлович якобы собирает войско и сам возглавит новый поход, повторив удачливые действия 1654–1655 годов. Но и в Речи Посполитой внутриполитическое положение было далеко не блестящим. Возникший

между королем и магнатом Ю. Любомирским острый конфликт привел к военному столкновению монарха с непокорным вельможей. Ян Казимир дважды потерпел поражение и пошел на переговоры с Любомирским. Продолжать войну с Россией королю было не под силу. Это несколько ускорило продвижение к перемирию. В Москве знали о «рокоте».

На Смоленщине в деревне Андрусово с апреля 1666 года начался новый тур переговоров представителей Речи Посполитой и России. Много времени отнимали споры о причинах нарушения Поляновского мира. Одна сторона обвиняла другую, изоцряясь в приведении обоснований. Но главным яблоком раздора являлся вопрос территориальный. Алексей Михайлович произвел перестановки в посольстве, сделав так, что его возглавил Ордин-Нащокин, которого пожаловали чином окольничего. Этому дипломату царь доверял больше других и надеялся на благоприятный исход переговоров. Между Москвой и Андрусовом снова гонцы с инструкциями от царя и отписками Ордина-Нащокина. Алексей Михайлович внимательно следил за развитием событий. Состоялось уже тридцать посольских съездов, а согласованного результата все не было. Царь подбадривал Ордина-Нащокина не только грамотами. Его любимец получал от него изысканные яства и заграничные вина – романею, рейнское, кагор и др.

Пока шли словесные баталии в Андрусове, на юге Украины произошли серьезные перемены. Провозглашенный гетманом Правобережья П.Д. Дорошенко выступил одновременно против Варшавы и Москвы. Крымская орда, ранее поддерживавшая Яна Казимира, теперь взяла сторону Дорошенко. Казацко-татарское войско разгромило поляков. Татарские загоны рассыпались на больших территориях Украины и пограничных польских областей. В плен были уведены десятки тысяч людей. В этой ситуации Дорошенко предпринимал усилия для сохранения состояния войны России с Яном Казимиром. Обстановка позволила московским дипломатам укрепить свою позицию на переговорах. Польские комиссары долго не хотели и слышать, чтобы Киев достался России на каких-либо условиях. В тайных «статьях» А.Л. Ордину-Нащокину царь уже был готов совсем отказаться от Киева, имея согласие другой стороны на передачу России Левобережья Украины. Однако успехи Дорошенко побудили царя еще раз попытаться «разыграть» киевскую карту. Киев временно должен был находиться в руках русских, затем предстояла его передача Речи Посполитой. При этом в ход были пущены закулисные денежные выдачи комиссарам Речи Посполитой, от которых те не отказались.

В итоге 31 января 1667 года было достигнуто общее соглашение о перемирии на тринадцать с половиной лет. К России отходили Смоленская земля, Северщина, Левобережная Украина и на два года – Киев с окрестностями. Запорожской Сечи договор предусматривал двойное подчинение. Обусловлен был обмен пленными. Только о «пашенных людях» предстояло согласовать вопрос на последующих переговорах. В случае враждебных действий Крыма против обеих частей Украины царь и король выступают на защиту совместно. Объявлялись свободными торговые отношения между подданными обоих государств. Прибывшие затем в Москву посланцы Речи Посполитой, подтверждая договор, заявили, что нужно дать компенсацию шляхте, изгнанной из Левобережья и Северской земли («потому что от нее

беспрестанная доука и вопль»). Для удовольствия этих «выгнанцев» посланцы запросили огромную сумму, с которой русская сторона решительно не согласилась. И все же царь позволил выдать из казны один миллион польских злотых (по другим данным – две тысячи рублей).

Прием в Москве польских послов был чрезвычайно радушным. Тогда им «явили» наследника престола царевича Алексея Алексеевича, намекнув, что они видят возможного короля Речи Посполитой, поскольку этот вопрос время от времени всплывал в ходе переговоров. Как известно, Ян Казимир был бездетен, а потому введение наследственной монархии в данном случае исключалось.

Заключение Андрусовского перемирия стало важнейшим внешнеполитическим событием. Оно положило конец вековому противостоянию Речи Посполитой и России, будучи в 1686 году подтверждено Вечным миром. Киев так и остался в пределах России. Было закреплено воссоединение Левобережной Украины с Россией, возвращены старинные западно-русские земли.

Решая одни проблемы, Россия волей-неволей вовлекалась в водоворот других. А они сгущались на юге, где нависала угроза борьбы с Крымским ханством и Османской империей. Впрочем, эта забота была и у речи Посполитой, что послужило главным предметом обсуждений на встречах представителей примирившихся государств. Ближайшие годы показали обоснованность таких опасений.

Правительство Алексея Михайловича понимало значение акта, заключенного в Андрусове, и приложило много усилий, чтобы его результаты стали международным достоянием. Русские посольства посещают ряд европейских стран. Это было сопряжено также с признанием за царем нового титула. В основном поставленная цель была достигнута. Окончание войны торжественно отметили в Москве. Царь пожаловал служилых людей двадцатипроцентной передачей из поместных земель в вотчины. Наибольших царских милостей удостоился А.Л. Ордин-Нащокин. Он стал боярином, получил необычное титулование «царственной большой печати и государственных великих посольских дел сберегатель» и был назначен начальником Малороссийского и Польского приказов.

В отношениях царя с Ординым-Нащокиным был момент, который мог повлечь за собой трагические последствия для дипломата. Его сын Воин сбежал в Речь Посполитую, затем оказался у императора и, наконец, во Франции. Воспитанный в духе западных образцов (не без влияния отца, а особенно учителей-поляков), молодой человек решил искать счастья вне России. Такой поступок во времена Грозного мог бы стоить отцу головы. Тем более что Воин оставил службу, он был направлен из Москвы к отцу, который стоял тогда воеводой в Ливонии. Можно себе представить злорадство врагов А.Л. Ордина-Нащокина. Несчастный

отец ожидал опалы и даже попросил у царя отставки. Но вместо этого он получил теплое, участливое письмо Алексея Михайловича. Царь утешал, как мог, своего любимца, проявив великодушие и найдя нужные слова. В обычной для себя высокопарной манере Алексей Михайлович изобразил постигшее Афанасия Лаврентьевича горе как поущение сатаны, который увлек «сего доброго агнца». Просьбе Ордина-Нащокина-старшего отрешить его от службы государь решительно воспротивился. Поступок Воина царь объяснил малодушием и молодостью: «Он человек молодой, хочет создания владычня и творения руку его видеть на сем свете, якоже и птица летает, семо и овамо и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает; так и сын ваш вспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от Св. Духа во святой купели и к вам вскоре возвратится». Алексей Михайлович завершал свое послание наставлением продолжать честную службу, «а нашего государского не токмо гневу на тебя... ни слова нет». Венценосный автор письма оказался прав: Воин вернулся на родину и был прощен.